

КАМИЛА ЛЕВИТАН

ИЗМЕНА МУЖА.
Я НАШЛА КЛЮЧ
ОТ ТВОЕЙ ЛЖИ!

Камила Левитан

**Измена мужа. Я нашла
ключ от твоей лжи!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Я нашла ключ от твоей лжи! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Я нашла в нашей ванной чужие духи. А рядом — ключ от роскошной квартиры, о которой муж предпочёл умолчать. Виктор уверял, что я схожу с ума от ревности. Только вот его любовница оказалась дочерью влиятельного инвестора, а тайная квартира хранила кое-что пострашнее женских вещей. Пока я строила наше будущее, муж продавал мои проекты конкурентам и прятал миллионы! Теперь он заблокировал счета, лишил меня работы и предлагает пять миллионов за молчание. Но он забыл, что я архитектор. И прекрасно умею находить трещины даже в самых прочных конструкциях. Что ж, дорогой, приготовься! Я разрушу твою ложь до основания. А на её месте построю собственное счастье!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Камила Левитан

Измена мужа. Я нашла ключ от твоей лжи!

Глава 1

Поставка керамогранита сорвалась. Склад в Химках был закрыт на ремонт, а мой клиент, застройщик элитного лофта на Патриках, требовал материалы завтра утром или расторгнет контракт с неустойкой. Поэтому я вернулась домой в шесть вечера вместо привычных восьми. Вечерний свет резал глаза, когда я открывала дверь квартиры. Из кухни тянуло кофе. Виктор опять молот зерно дома, хотя по телефону собирался задержаться в офисе. Я порадовалась: хотя бы не придётся греть ужин на двоих по очереди.

Сумку бросила у тумбы и потёрла затёкшее плечо. Нужно обзвонить ещё три склада, потом написать клиенту — никаких обещаний, пока не подтвердят остаток. Из ванной доносилось шипение душа. Я остановилась у зеркала, поправляя воротник пальто. Хорошо, что он дома. Может быть, сегодня мы наконец обсудим тот протекший шов в ванной комнате, который я просила проверить три недели назад.

Не снимая пальто, я направилась к двери. Она была приоткрыта на пару сантиметров, выпуская облако пара. Я толкнула её сильнее, ожидая увидеть спину мужа, склоненную над зеркалом, или просто его силуэт за матовым стеклом душевой кабины. Но вместо этого взгляд упал на полку над раковиной.

Там лежал флакон духов. Стекло было тяжелым, граненым, с золотистой крышкой. Рядом валялась влажная расческа для волос с длинными зубьями — явно не моя, у меня короткая стрижка и мелкие гребни. А еще дальше, между его бритвой и моим лосьоном, виднелся кусок ваты, пропитанный чем-то розовым. Запах ударил в ноздри мгновенно: горький миндаль, сладковатый и тошнотворный. Это не был парфюм из моего шкафчика. И точно не тот «подарочный набор», который он купил мне на прошлый день рождения, но так и не вручил.

Я придерживала дверь и всё смотрела на расчёску. На зубьях остались волосы — длинные, тёмные. Кто мог зайти к нам после работы и принять душ? Вопрос казался нелепым, но я цеплялась за него. Коллега. Родственница. Кто угодно, кого он сейчас назовёт, и мне станет стыдно за свою первую мысль. Флакон стоял на месте его шампуня. Значит, здесь не просто положили вещи на минуту. Здесь устроились.

Вода в душе выключилась. Заскрипели петли кабины, и через секунду оттуда вышел Виктор. Абсолютно голый, с каплями воды на широких плечах, он потянулся к полотенцу, даже не взглянув в мою сторону. Его тело было знакомым до боли: шрам на колене от падения с велосипеда в детстве, родинка на лопатке, мышца живота, которая напрягалась, когда он смеялся. Десять лет вместе. Десять лет одной постели, одного бюджета, одной жизни.

— Любимая, ты рано, — протянул Виктор, натягивая полотенце на бедра. Так он встречал клиентов: улыбался, оставлял паузу, чтобы человек улыбнулся в ответ. Я тоже всегда улыбалась. Сейчас смотрела на его рот и ждала, когда он хотя бы спросит, почему я стою в пальто. Он поправил узел полотенца. Чужая расчёска лежала у него под локтем.

Я сглотнула и повернулась к полке всем корпусом, чтобы он наконец заметил, на что я смотрю. Виктор проследил за мной взглядом и потянулся за вторым полотенцем. Он начал говорить о ремонте, о том, что нужно срочно менять герметик в стыках плитки, потому что «вода может пойти вниз к соседям». Он говорил о деньгах, об ипотеке, о нашем совместном проекте переезда в загородный дом, который мы планировали на следующий год. О загородном доме мы говорили вчера за ужином. Я достала тогда образцы плитки, а он выбрал самый

светлый и спросил, не будет ли холодно ногам. Теперь хотелось спросить, кто ещё собирается ходить по этому полу.

Я молчала. Глотала ком в горле, который становился все тверже. Мне хотелось кричать, спросить, откуда этот запах, но язык присох к небу. Вместо этого я сделала шаг ближе к шкафу под раковиной. Там, в щели между дверцей и корпусом мебели, блеснул металл. Ключ. Обычный квартирный ключ на кольце, но с необычным брелоком.

Я наклонилась к шкафчику и потянулась за кольцом. Хотела положить ключ на полку между нами: пусть объяснит сразу и его, и духи. Мои пальцы почти коснулись брелока, когда рука Виктора резко перехватила мое запястье. Пальцы сжались над косточкой запястья. Я попыталась повернуть ладонь, но он дёрнул её к себе, заставив выпрямиться. Ключ остался в щели.

— Что ты делаешь, Марина? — Виктор больше не растягивал слова. Он захлопнул дверцу шкафа. Я дёрнулась от грохота, а он даже не обернулся: смотрел на мою руку, которую всё ещё держал.

— Пусти, — прошептала я, пытаюсь вырвать руку. Кожа на запястье горела от его пальцев.

— Ты опять за свое? — Виктор шагнул вплотную. Чтобы увидеть его лицо, пришлось поднять подбородок; я отступила бы, если бы он отпустил руку. Он прищурился и посмотрел мимо меня на дверь. — Опять начала искать врагов везде? Тебе нужно больше спать, Марин. Твоя педантичность доводит до маразма. Ты засиделась в чертежах, и тебе кажется, что весь мир строит против тебя заговор.

Ещё неделю назад он хвастался перед друзьями: «Марину не проведёшь, она миллиметр на глаз видит». Теперь та же внимательность стала болезнью. Я попробовала повернуть запястье в его хватке. От меня ждали, что я начну оправдываться за работу и недосып и забуду, почему вошла в ванную.

— Это не паранойя, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Здесь чужие духи. Горький миндаль. Чужая расческа. И ключ. Чьи они?

Виктор фыркнул, отпустил мою руку и снова открыл шкафчик — уже сам. Достал носки. Я ждала ответа, растирая запястье, а он стряхивал с носка невидимую пылинку. Будто я спросила, зачем он купил другую марку кофе.

— Духи? А, ну да. Это новый образец аромата от поставщика материалов. Я принес их домой, чтобы протестировать для проекта. Забыл убрать обратно. Расческа? Это моя новая, я выбросил старую. А ключ... — он сделал паузу, надевая носок. — Это ключ от кладовки на даче родителей. Ты что, совсем память потеряла? Или хочешь устроить скандал из-за бытовой мелочи перед важной сделкой?

Он говорил, не запинаясь, и продолжал натягивать носок, как будто вопрос был закрыт. Я посмотрела на шкаф снова. Зачем ключ от дачи прятать здесь, если все дачные ключи лежат у входа? Я заметила, как бликует металл в щели. Брелок. На нем был выгравирован логотип. Маленький, едва различимый, но я узнала его мгновенно. Логотип ЖК «Аврора» — премиум-класса, где работала Лика, младший дизайнер в фирме Виктора. При встречах она спрашивала, не слишком ли я устаю на работе, и улыбалась прежде, чем я успевала ответить. Её духи пахли миндалем. Я стояла над этим ключом, а она, наверное, снова могла бы спросить, не слишком ли я устала.

На корпоративе Лика обняла меня при встрече, и этот запах остался на воротнике до вечера. Я тогда повесила пальто проветриться. Теперь смотрела на золотистую крышку и не могла придумать ещё одно невинное объяснение.

Виктор посмотрел туда же, куда я. Брелок ещё был виден. Он развернулся и встал перед шкафом, широко расставив ноги. Ключ я больше не видела. Зато видела, как у него ходят желваки: объяснения про дачу закончились, а я всё ещё оставалась в ванной.

— Хватит! — рявкнул он, делая шаг ко мне. — Выйди из ванной. Немедленно. Ты мешаешь мне собираться. Если ты сейчас же не прекратишь трогать мои вещи и устраивать этот цирк, я сам решу, сколько времени ты будешь проводить в одиночестве.

Он схватил меня за плечи. Ткань пальто натянулась под мышками; я попробовала поднять локоть и не смогла. От него пахло гелем для душа и потом. Полотенце едва держалось на бедре, и на секунду мне стало страшно, что он совсем забудет про него, про дверь, про всё, кроме меня. Отступить было некуда: за спиной раковина, впереди он. Я сказала «больно» и увидела, что он услышал. Пальцы только сжались сильнее. В ванной всё ещё шёл пар, и моя ладонь скользила по мокрому краю раковины.

— Ты портишь мне нервы, Марина, — шипел он мне в лицо, его дыхание обжигало кожу. — Перед сделкой на миллионы. Ты думаешь, это нормально? Орать на меня из-за какого-то ключа?

Я перестала объяснять. Он держал меня перед собой и ждал, когда я опущу глаза. Я посмотрела на дверь за его плечом: надо выйти, сейчас. Разговор о духах подождёт. Эти несколько шагов я должна пройти.

Я упёрлась ладонями ему в грудь, но оттолкнуть не смогла. На тренировке нас учили не тянуться из захвата назад: шагни к тому, кто держит. Ради здоровья спины я ходила на самооборону, а теперь боялась забыть простое движение. Шагнула к Виктору и ударила коленом в живот.

Виктор захрипел, воздух вышибло из его легких. Его хватка ослабла на долю секунды. Этого хватило. Я выскользнула из его рук, оттолкнула его грудь ладонями и побежала прочь из ванной. Дверь ударилась о косяк. Я даже не остановилась закрыть её: нужно было отойти подальше, пока он не выпрямился.

Глава 2

В коридоре я хватала воздух ртом. Плечи болели там, где он держал. Попробовала расстегнуть верхнюю пуговицу пальто — не попала пальцами в петлю. На второй попытке получилось, но дрожь не прошла. Я слышала, как Виктор ругается за дверью ванной, стучит кулаком по стене, требуя, чтобы я вернулась и «разобралась».

Я дошла до дивана и села, не снимая пальто. Виктор кричал, чтобы я вернулась. При каждом окрике хотелось вскочить, пойти и хоть что-нибудь сказать, лишь бы он замолчал. Вместо этого достала телефон. Слёзы капали на экран; я вытерла его рукавом и открыла приложение геолокации, синхронизированное с его устройством. Общий доступ мы включили после моей аварии: он хотел знать, доехала ли я. Теперь я впервые смотрела не текущую точку, а историю поездок.

Карта показала маршрут за последние сутки. Вчера до шести утра он был дома. Затем офис. А в восемь вечера точка появилась в районе ЖК «Аврора» и оставалась там до полуночи. Четыре часа. Он говорил, что весь вечер провёл на совещании в офисе. Карта не могла сказать, с кем он был, зато его рассказ уже не сходиллся.

Я сделала снимок карты и ещё раз сверила время. Может, он оставлял следы специально. А может, настолько привык к моей доверчивости, что перестал их прятать. Я больше не собиралась угадывать. Вчера, когда он вернулся, я спросила только, разогревать ли ужин. Сегодня вопросов стало больше, и записывать их стоило прежде, чем он выйдет из ванной и снова объяснит, что я устала.

За письменным столом лежал недоделанный чертёж лофта. Завтра клиент спросит о плитке, и мне всё равно придётся ему отвечать. Я отодвинула чертёж, достала из ящика чистый лист и ручку. Ручка поехала в пальцах; зажала её крепче и поставила первую цифру даты.

Под датой записала время возвращения и «ванная». Потом разделила лист чертой: слева — что видела, справа — что пока только подозреваю. Мне хотелось вписать туда имя Лики огромными буквами, но я удержалась. Если он снова назовёт меня сумасшедшей, я должна отличить увиденное от того, чего боюсь. Духи: горький миндаль. Ключ: ЖК Аврора. Геолокация: 20:00–00:00. Физическое сопротивление: есть.

На запястье проступали полосы от пальцев. Я положила руку рядом с листом и сфотографировала — сначала хотелось спрятать синяк под рукавом, но больше я его прятать не собиралась. Завтра проверю адрес, а сегодня сохраняю записи там, куда Виктор не доберётся. Он всё ещё ругался в ванной. Я дописала последнюю строку, не отзываясь.

Я смотрела на экран телефона, где пульсировало уведомление от Виктора: «Купил цветы. Ты переутомилась, любимая». Я трижды нажала на уведомление, промахиваясь мимо маленькой стрелки. Он уже успел купить цветы, а у меня после разговора с начальником не получалось даже набрать короткое «позже». Я только что вернулась из бюро, где мой главный проект, над которым я работала полгода, был передан стажеру под предлогом «перераспределения нагрузки для поддержания качества». А до этого была мама.

Мама обычно сама спрашивала, что у меня с голосом, ещё до того, как я успевала пожаловаться. В этот раз я набрала её первой. Хотела услышать «приезжай», посидеть у неё на кухне, пока она разогревает бульон. Начала рассказывать — и мама вздохнула. Я знала этот вздох: опять сделала что-то не так. — Мам, он там был. С другой. Я видела ключ, чужую косметичку. Он схватил меня так, что синяк остался... — Маринка, прекрати истерику, — перебила мама. Она говорила тихо; я слышала, как на её кухне звякнула посуда. Она занималась своими делами, а я мешала ей закончить. — Виктор — хороший мальчик. Он тебя любит. Ты просто педантичная до тошноты. Тебе кажется, что везде измена, потому что ты не умеешь

расслабляться. Вспомни свою бабушку, она тоже выдумывала беды из-за своей нервозности. Не позорь семью.

Я опустила телефон на стол. Мама всё ещё говорила; из динамика доносилось уверенное «не накручивай». Я нажала отбой и осталась стоять у стола. Даже к маме теперь ехать не хотелось. Она посадит меня на кухне, нальёт бульон и заставит слушать, какой Виктор хороший мальчик. Маме я не успела толком рассказать про руку. Она перебила раньше, чем услышала, и теперь, наверное, обижалась на сброшенный звонок. Я приложила палец к её имени в контактах. Позвонить снова, заставить дослушать? Убрала телефон. Ещё одно «прекрати истерику» я сейчас не выдержу.

Утром того же дня в офисе пахло кофе и пылью от чертежей. Руководитель, Сергей Петрович, даже не поднял глаз от монитора. — Марина, сроки горят. Если твои личные проблемы мешают концентрации, возможно, стоит взять паузу? Мы не можем рисковать репутацией бюро из-за чьих-то семейных скандалов. Стажер Дима справляется лучше. Он спокоен. «Он спокоен». Дима утром спрашивал меня, какой узел отправлять заказчику, а теперь справлялся лучше. Я кивнула и стала собирать распечатки. Угол одного листа торчал из папки; поправила его, пока Сергей Петрович ждал, что я скажу. Хотелось бросить их ему на стол: полгода работы, и Дима уже «справляется лучше». Но у Димы не было моих расчётов по лестничному узлу. Я проверила, что последняя версия осталась в рабочем архиве, и только потом застегнула сумку. Я запомнила дату. И время, когда Виктор звонил мне утром, требуя срочно отправить файлы по корпоративной почте на незнакомый внешний адрес, пока я была на совещании. Совпадение? Я записала адрес получателя, чтобы проверить позже.

Вечером Виктор пришел с букетом лилий. Я отодвинулась от цветов: от густого сладкого запаха першило в горле, а за ним всё ещё чудился миндаль. — Ты бледная, солнышко, — он обнял меня за талию. Я попыталась отстраниться, но он притянул ближе; мне пришлось упереться ладонью ему в рубашку. — Я перевел все наши общие средства на защищенный счет. Банковские карты заблокированы на неделю. Мошенники сейчас активны, а ты слишком импульсивна в стрессе. Не хочу, чтобы ты совершила ошибку. Он наклонил голову, ожидая благодарности. Я вспомнила автоматическое списание за связь: завтра оно не пройдет. Даже телефон, которым я могла кому-то позвонить, зависел теперь от его «защищённого счёта». За спиной Виктора лилии упирались в кухонный шкаф, и я почему-то подумала, что вазу всё равно придётся искать мне. Я улыбнулась, прижавшись щекой к его рубашке. Пахло чужим парфюмом. — Спасибо, Витя. Ты такой предусмотрительный, — прошептала я. А ночью, когда он уснул, я тихо встала. Его телефон лежал на тумбочке. Я разблокировала его: пароль был датой нашей свадьбы. Снимки переписок с бухгалтерией переслала себе, отправленные сообщения удалила из его чата. Выключила звук на своём телефоне и сфотографировала чеки из магазина косметики, забытые на столе. Вздрагивала даже от шороха бумаги. Доказательство №1 сохранено в облако. Доказательство №2. №3. Снимок с переводом сохранился вверх ногами. Я перевернула его, проверила цифры и сделала второй, чтобы был виден отправитель. Чуть раньше я с такой же тщательностью выбирала удачные фотографии Виктора для его поздравления с юбилеем. Теперь искала те, которые он хотел бы удалить.

Глава 3

На выходных Виктор повел меня на корпоративную вечеринку строительной компании. «Для имиджа», сказал он. В зале гремела музыка, официант протиснулся мимо меня с подносом бокалов. Я искала Виктора среди столов и увидела Лику рядом с ним. Младший дизайнер сидела так близко, что, наклоняясь к его уху, почти касалась волосами его виска. Он смеялся и оставался повернутым к ней. Я стояла с другой стороны стола, держа сумку обеими руками. Её колено едва заметно касалось его бедра под столом. Для меня рядом с Виктором не оставили стула. Лика заметила, что я стою, и убрала сумочку с соседнего места — не рядом с ним, через стол. «Присаживайтесь», — сказала она так, будто приглашала меня на собственный вечер. Подруги отвернулись. С ними я выбирала обои для спальни, спорила, не слишком ли тёмные, посылала фотографии после ремонта. Сейчас никто даже не помахал. Только Катя подошла с бокалом шампанского. — Марин, ты чего такая напряженная? Виктор говорит, ты совсем сорвалась. Говорит, ты шантажируешь его деньгами. Все знают. Хватит делать из себя жертву, это выглядит жалко. «Жалко». Я посмотрела на Катю: она уже знала, кто виноват, и ждала, когда я соглашусь. Подала мне бокал, даже не спросив, что случилось. Я его не взяла. «Ты же на машине?» — спохватилась она и тут же посмотрела в сторону Виктора, словно мой отказ тоже надо было ему передать. Открыв рот, я не произнесла ни слова. Катя ждала — наверное, объяснения. Я достала телефон и открыла почту, чтобы не смотреть на неё. За её плечом Лика положила руку на плечо Виктора. Я переключилась на камеру и сняла их, прежде чем она убрала ладонь. Затем отключила уведомления общих чатов. Не хотела видеть, как вечер снова обсуждают без меня. Когда Катя снова написала «не делай глупостей», я вышла из чата. Из второго — тоже. Пока не узнаю, что произошло с деньгами, обсуждать со всеми своё лицо за ужином я не буду.

Понедельник начался с банка. Я пришла в отделение с паспортом, уверенная, что могу снять наличные со своего личного счета, который должен быть независимым. — По этой карте операция невозможна, — сказала девушка-оператор, сверив данные. — Основной счёт открыт на Виктора Аркадьевича. Ваша карта — дополнительная. Держатель счёта её заблокировал. Я смотрела на неё, не сразу понимая слова. Сюда я переводила зарплату, чтобы, как говорил Виктор, «не платить с разных счетов за одну семью». За десять лет перестала помнить, чья фамилия стоит в договоре. — Но это мои деньги! Зарплата! — Сохраните выписки о переводах. А свою зарплатную карту мы можем восстановить сейчас. Там оставались деньги, которые я откладывала на хороший планшет. Прежде я стеснялась этой заначки; теперь хотя бы за проезд домой не нужно было просить мужа. Виктор устроил всё так, чтобы слов «это моё» оказалось недостаточно. Деньги зарабатывала я, а за доступом должна была обращаться к нему. Я вышла на улицу, где шел мелкий, противный дождь. Холод пробирал до костей. Банковские выписки лежали в сумке, но я не знала, с какой строки начать. Куда Виктор перевёл деньги? Сколько успел снять? С этими вопросами я и пойду за помощью. Пусть мне покажут, что можно проверить, вместо очередного совета не нервничать.

Дома было темно. Виктор уехал в командировку. На диване лежал его плед, у кресла стояли мои тапочки. Я убрала плед в шкаф и опять достала: не могла решить, имею ли право менять что-нибудь в доме, который он готов был отобрать одним звонком. На полу было легче — хотя бы никто не спросит, почему я заняла его место. Я сидела на полу в гостиной, обхватив колени руками. Ноги затекли, но подниматься не хотелось. Может, просто дождаться Виктора? Сказать, что я погорячилась, поставить ужин, спросить про карты. Он ведь обещал всё исправить, если я перестану устраивать сцены. Я даже попробовала выговорить извинение. Тогда снова можно будет звать его на кухню, слышать ответ из спальни — хоть какой-нибудь, а не эту тишину. Я втянула воздух и поморщилась. Снова миндаль. Пахло от штор, от моего рукава;

я уже не могла разобрать, откуда именно. Окна были закрыты, и проветрить я до сих пор не догадалась. Поднялась с пола и пошла в ванную. Я не видела Лику здесь и не могла утверждать, что она была в квартире. Но флакон был. Я проверила полку в ванной: духи исчезли, чужая расчёска тоже. Я вспомнила похожий запах три года назад. Я болела гриппом, температура 39. Виктор приносил мне чай, гладил по голове. Тогда я чувствовала этот же запах. Тогда я списала его на аптечный препарат. Но похожий запах мог быть у лекарства, мыла, чего угодно. Я не знала, когда началась измена, и не собиралась выдумывать её начало. Зато знала, что чужие вещи исчезли после моего вопроса, а следы его пальцев на плечах остались. Я включила свет и снова записала, что помню. Слово «запах» подчеркнула только один раз. Синяк сфотографирован, перевод сохранён, время поездки известно. С этим можно идти к человеку, который не станет судить по тому, достаточно ли ласково я говорю о муже. Я схватила телефон. На экране светилось объявление форума: «Цифровая экспертиза развода. Поиск скрытых активов и следов». Под ником А_Т нашёлся профиль специалиста. «Эмоции мешают видеть логику. Логика видно в коде», — написал он о себе. Я скривилась: ещё один научит меня успокаиваться. Но объявление обещало поиск активов, а в моей сумке лежали выписки. Стоило хотя бы написать. Я написала первое сообщение: «Мне нужно доказать, что меня обманывают. Есть запах миндаля. Есть ключ от чужой квартиры. Помогите».

Ответ пришел мгновенно. Экран вспыхнул белым светом в темноте комнаты. «По запаху ничего доказать нельзя. Файлов вы пока не прислали. Принесите выписки, даты поездок и ваши записи. Посмотрим, где рассказ расходится с цифрами. Завтра в десять. Артём».

Я перечитала ответ дважды. Он не обещал, что я права, и не называл меня больной. Впервые кто-то предложил проверить. Я положила телефон рядом с блокнотом и начала собирать документы: мне нужны были мои деньги и моя жизнь, а не утешительное объяснение чужой лжи.

Артём сидел за столом, заваленным старыми жесткими дисками и недопитым кофе. У стола гудели серверные стойки. Старый кофе оставил кольцо на столешнице, и я подвинула папку, чтобы не испачкать распечатки. Артём продолжал печатать, даже когда я назвала своё имя.

— У меня нет времени на истерики, — бросил он в монитор. — Если вы пришли жаловаться на измену мужа, идите к психологу. Здесь работают с цифрами, а не с чувствами.

Я так сдавила угол папки, что картон смялся. Ехала сюда через весь город, чтобы снова услышать «истерика». Можно развернуться и уйти — деньги за консультацию ещё не внесены. Только куда я пойду с этими выписками? Положила их перед ним в том порядке, в котором собиралась показывать: общий счёт, переводы, ипотека. Сначала пусть посмотрит. Потом решу, стоит ли оставаться.

Откинула обложку папки. Пластиковый зажим щёлкнул в тишине кабинета.

— Здесь все банковские переводы за три года, схемы совместной ипотеки и список клиентов, с которыми Виктор встречался в выходные, которые мы планировали как «семейные». Это не слезливая драма, Артём. Это смета ущерба. Я плачу за экспертизу.

Он наконец посмотрел на меня. У него были серые глаза и привычка смотреть чуть дольше, чем приятно. Он заметил синяк на запястье, но спрашивать не стал; взял первую страницу. До третьей добрался молча. Я стояла у стола, пока он не откинулся в кресле, освобождая место для остальных листов.

— Аккуратно. Слишком аккуратно для обманутой жены. Вы привыкли контролировать детали?

— Привычка, которая не дала поверить, будто я всё выдумала, — ответила я сухо.

Он перестал стучать пальцами по столу и ещё раз прочёл подпись к переводу. Я села на стул напротив. Выставлять меня он, по крайней мере, пока не собирался.

— Чтобы копать дальше, мне нужен физический носитель. Его рабочий ноутбук или доступ к личному облаку. Без этого всё остальное — вода. Взлом без ключа невозможен и незаконен.

Я закрыла глаза, вспоминая тот вечер. Вернулась в шесть, ещё в пальто вошла в ванную — пар, чужой флакон духов и ключ, застрявший в щели шкафчика. Виктор назвал его дачным и встал передо мной так, чтобы я больше не видела брелок. Но название комплекса я уже прочла.

— Есть квартира, — сказала я тихо. — Недалеко от его офиса. Судя по поездкам, он проводит там вечера. Брелок с названием комплекса лежал у нас в ванной. Может, там вещи Лики. Может, его бумаги. Я хочу выяснить, а не гадать.

Артём прищурился. — Чужое жильё. Вы понимаете, чем рискуете?

— Я хочу забрать своё. Гарантии безопасности данных? — Я придвинула папку к себе: выписки останутся у меня, пока не договоримся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.